Шиповничек

Давным-давно жили да были король с королевою, и бывало, что ни день, то говаривали: «Ах, если бы у нас был ребенок!» — а детей у них все же не было.

И вот однажды, когда королева купалась, из воды на берег вылезла лягушка и сказала королеве: «Твое желание будет исполнено: ранее истечения года у тебя родится дочка».

Что лягушка сказала, то и случилось: королева действительно родила дочку, которая была такая хорошенькая, что король себя не помнил от радости и затеял по этому поводу великолепный праздник.

Он пригласил на праздник не только своих родных, друзей и знакомых, но также и всех колдуний, чтобы они были к его ребенку добры и благосклонны. Этих колдуний в том королевстве было тринадцать, но так как у короля было только двенадцать золотых тарелочек, на которых им следовало подавать кушанья, то одну из них пришлось не приглашать.

Праздник был отпразднован великолепно, и когда уж он заканчивался, колдуньи одарили ребенка разными чудесными дарами: одна — добродетелью, другая — красотой, третья — богатством и всем-всем, чего только можно было пожелать себе на земле.

Когда уже одиннадцать колдуний высказали свои пожелания, вдруг вошла тринадцатая. Она явилась отомстить королю с королевою за то, что ее не пригласили на праздник; и вот, никому не кланяясь и ни на кого не глядя, она громко крикнула: «Королевна на пятнадцатом году уколется веретеном и тут же упадет замертво». И не прибавив ни слова более, повернулась и вышла из зала. Все были этим страшно перепуганы; но вот выступила двенадцатая колдунья, которая еще не успела высказать своего пожелания, и так как она не могла отменить злого желания своей предшественницы, а была в состоянии лишь смягчить его, то она сказала: «Королевна упадет замертво, но не умрет, а погрузится только в глубокий, непробудный сон, который продлится сто лет».

Король, конечно, хотел оберечь свое дорогое дитятко от предсказанной страшной беды, а потому издал такой указ, чтобы все веретена во всем его королевстве были сожжены.

А между тем дары колдуний стали мало-помалу проявляться в юной королевне: она была и прекрасна, и скромна, и ласкова, и разумна, так что приходилась по сердцу каждому, кто ее видел.

Случилось однажды (именно в тот день, когда ей стукнуло пятнадцать лет), что короля и королевы не было дома и королевна оставалась одна-одинешенька во всем замке. Вот и пошла, она бродить повсюду, стала осматривать комнаты и всякие каморки, какие ей вздумалось, и наконец пришла к одной старой башне.

Поднявшись в эту башню по узенькой витой лестнице, она подошла к низенькой двери. В дверной скважине торчал ржавый ключ, и когда она его повернула, дверь перед ней распахнулась и увидела она там в маленькой комнатке старушоночку, которая усердно пряла лен, быстро поворачивая веретено между пальцев.

«Здравствуй, бабушка, — сказала королевна, — ты что тут поделываешь?» — «А вот видишь: пряду», — отвечала старушоночка и кивнула королевне головой. «А что это за штучка такая, что так весело кружится?» — спросила королевна, взяла в руки веретено и также захотела прясть.

Но едва только она коснулась веретена, как волшебное заклятие сбылось: королевна уколола себе палец веретеном и в тот же самый миг упала на кровать, стоявшую в этой маленькой комнатке, и погрузилась в глубокий сон.

Этот сон охватил весь замок: король и королева, которые только что вернулись домой и входили в зал, стали мало-помалу засыпать, заснули одновременно с ними и все их придворные. Заснули также и лошади в стойле, и собаки на дворе, и голуби на крыше, и мухи на стенах, и даже огонь, пылавший на очаге, как бы застыл, и жаркое, которое на огне жарилось, перестало шкворчать, и повар, ухвативший было поваренка за волосы за какую-то провинность, выпустил его волосы из руки и заснул.

И ветер тоже улегся, и на деревьях перед замком не шелохнулся ни один листок…

А вокруг замка стала мало-помалу вырастать непроницаемо густая изгородь из терновника, и каждый год поднималась она все выше и выше и наконец окружила весь замок, и даже переросла его настолько, что не только замка из-за нее не стало видно, но даже и флага на крыше его.

Во всей окрестной стране шла, однако же, молва о спящей красавице-королевне, которую прозвали Шиповничком; а потому от времени

до времени наезжали королевичи и пытались сквозь ту изгородь проникнуть в замок.

Но это оказывалось невозможным, потому что терновник, переплетясь, стоял сплошною стеною, и юноши, пытавшиеся сквозь него пробиться, цеплялись за него, не могли уже из него выпутаться и умирали напрасною смертью.

Много-много лет спустя пришел в ту сторону еще один королевич и услышал от одного старика рассказ об ограде из терновника и о том, что за этой оградою, должно быть, есть замок, в котором уже лет сто подряд лежит в глубоком сне дивная красавица-королевна, прозванная Шиповничком, а около нее, погруженные в такой же сон, спят и король, и королева, и весь их двор.

Старик слыхал еще от своего деда, что многие королевичи приходили и пытались проникнуть сквозь терновую изгородь, что в ней застряли и встретили преждевременную смерть.

Но юноша сказал: «Я этого не боюсь, я хочу туда пройти и хочу увидеть красавицу-королевну». И как ни отговаривал его старик, королевич не внимал его словам.

А тем временем минули сто лет, и наступил тот именно день, в который и надлежало Шиповничку очнуться от своего долгого сна.

Когда юный королевич подошел к изгороди, то вместо терновника увидел множество больших прекрасных цветов, которые сами собою раздвинулись настолько, что он мог пройти сквозь эту изгородь невредимый, а позади него они опять сомкнулись непроницаемой стеною.

Во дворе замка он увидел лошадей и гончих охотничьих собак, которые лежали и спали; на крыше сидели голуби, подвернув головки под крылышки, и тоже спали. А когда он вступил в дом, там спали мухи на стене, повар на кухне все еще протягивал во сне руку к мальчишке, которого собирался ухватить за волосы, и служанка сидела сонная перед той черною курицею, которую предстояло ей ощипать.

Он пошел далее и увидел в зале всех придворных, спавших глубоким сном около короля и королевы, уснувших близ трона. Пошел он далее, и такая была тишина кругом, что он мог слышать свое собственное дыхание.

Наконец приблизился он к старой башне и отворил дверь маленькой каморки, в которой спала красавица-королевна. И она показалась ему так хороша, что он от нее глаз оторвать не мог, наклонился к ней и поцеловал ее.

Чуть только уста его в поцелуе коснулись уст королевны, она раскрыла очи, проснулась и ласково глянула на королевича.

И сошли они с верха башни вниз рука об руку — и что же? И король очнулся ото сна, и королева, и все придворные их и с изумлением взглянули друг на друга. И лошади во дворе вскочили на ноги и стали отряхиваться; и собаки поднялись и стали махать хвостами; а голубки на крыше встрепенулись, оглянулись и полетели в поле. Ползали и мухи по стенам; и огонь в кухне вновь запылал и стал варить кушанье; и жаркое зашкворчало на вертеле; и повар закатил здоровую оплеуху поваренку, так что тот заревел; а служанка дочистила черную курицу.

Тогда-то и была отпразднована свадьба королевича с красавицей-королевной, и жили они в полном довольствии до самой кончины.